

Е. А. САМСОНОВА.
СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

Д В Ъ
КОМАНДИРОВКИ ВЪ ГЕРМАНИЮ
ДЛЯ ОСМОТРА
ВОЕННОПЛѢННЫХЪ.

ИЗДАНИЕ
Центрального Комитета по дѣламъ о военноплѣнныхъ при Главномъ Управленіи
Россійскаго Общества Краснаго Креста.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типогра
1917.

На мою долю пришлось совершить двукратную поѣздку въ Германію для осмотра лагерей нашихъ военноплѣнныхъ. Излагая здѣсь слышанное отъ плѣнныхъ, а также свои личныя впечатлѣнія, считаю не лишнимъ описать въ краткихъ чертахъ со словъ самихъ военноплѣнныхъ ихъ положеніе въ первый періодъ войны.

Обращеніе было безчеловѣчное. Многіе плѣнные жили подъ открытымъ небомъ и должны были для себя сами рыть землянки, чтобы укрыться отъ холода и непогоды; голодные набрасывались на все, что попадалось, даже на отбросы изъ выгребныхъ ямъ.

Во многихъ мѣстахъ среди плѣнныхъ вспыхнула эпидемія сыпного тифа, отъ котораго сотни умирали при полномъ отсутствіи маломальски сносныхъ гигиеническихъ условій и приспособленій. Опасность распространенія эпидеміи среди населенія заставила германскія власти принять рѣшительныя мѣры къ улучшенію санитарнаго положенія военноплѣнныхъ и устроить лазареты, карантинные бараки, бани, дезинфекціонныя камеры и проч.

Поэтому делегация, состоящая изъ русскихъ сестеръ и датскихъ делегатовъ Краснаго Креста, допущенная въ августѣ 1915 г. къ осмотру лагерей военноплѣнныхъ, видѣла многіе лагеря съ внѣшней стороны благоустроенными, и тогда хотѣлось вѣрить, что и внутренняя жизнь наладится.

Обѣхавъ же черезъ годъ часть того же района: въ Восточной Пруссіи—20-й корпусъ, въ Западной Пруссіи—17-й корпусъ и провинцію Бранденбургъ, я окончательно убѣдилась, что условія внутренней жизни нашихъ военноплѣнныхъ попрежнему ужасны. Я всюду видѣла голодныхъ, нравственно униженныхъ и запуганныхъ людей, которые, рассказывая о своей жизни, часто обращались ко мнѣ со словами: «сестрица, только здѣсь не заявляй о томъ, что мы тебѣ говорили, мы боимся—намъ потомъ еще хуже будетъ».

Выѣхала я на работу изъ Берлина вмѣстѣ съ датскимъ делегатомъ профессоромъ Р. Эрландсенюмъ—14-го іюля 1916 г. Делегацию сопровождали нѣмецкій офицеръ отъ военнаго министерства, уполномо-

моченный Берлинскаго Краснаго Креста, а въ каждомъ корпусѣ присоединялся къ намъ еще офицеръ, руководившій поѣздкой въ своемъ округѣ.

Делегации невозможно было осмотрѣть все такъ обстоятельно, какъ она того хотѣла. Нѣмцы скрываютъ отъ постороннихъ глазъ не только плохо поставленныя рабочія мѣста, но и цѣлые лагеря. Если же сестра узнавала о существованіи такого скрываемого лагеря или изъ разговоровъ съ плѣнными выяснялось, что въ нѣкоторыхъ рабочихъ мѣстахъ условія жизни плѣнныхъ особенно тяжелы, и делегация заявляла о желаніи ѣхать туда, то ей въ этомъ отказывали, мотивируя отказъ причинами военного характера. Пріѣхать куда нибудь внезапно было невозможно, такъ какъ о нашемъ пріѣздѣ коменданта всегда заранее увѣдомляли, къ этому времени все приводилось въ порядокъ: одѣвали плѣнныхъ, улучшали пищу и спѣшно удаляли тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ, по мнѣнію нѣмецкой администраціи, нежелательно показывать. Къ послѣднимъ относились главнымъ образомъ избитые и очень истощенные работой на фронтахъ. О степени истощенности этихъ несчастныхъ свидѣтельствуётъ, между прочимъ, показаніе русскаго врача изъ лагеря Прейссишъ-Холландъ, куда были присланы русскіе плѣнные съ французскаго фронта для распредѣленія на сельско-хозяйственныя работы. По его словамъ, 60% плѣнныхъ тотчасъ же пришлось помѣстить въ лазаретъ, такъ какъ приступить къ работамъ они были совершенно не въ состояніи.

Лагерь для военноплѣнныхъ занимаетъ большое пространство, окруженное колючей проволокой; внутри лагерь раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, въ свою очередь обнесенныхъ также колючей проволокой. Клѣтка эта, въ которой томятся наши плѣнные, охраняется многочисленными часовыми.

Лагеремъ управляетъ нѣмецкій комендантъ, часто въ чинѣ генерала, въ распоряженіи котораго состоитъ большой штатъ нѣмецкихъ офицеровъ, завѣдующихъ различными отраслями жизни въ лагерь, и кромѣ того много нѣмецкихъ нижнихъ чиновъ.

Плѣнные дѣлятся на роты, которыми командуютъ старшіе изъ плѣнныхъ, назначаемые нѣмцами. Посредникомъ между плѣнными и администраціей является переводчикъ изъ плѣнныхъ. Всѣ лагерныя работы обслуживаются плѣнными; необходимые для лагеря грузы перевозятъ, вмѣсто лошадей, военноплѣнные, и на такія работы назначаютъ слабыхъ или полуинвалидовъ. Бараки въ лагеряхъ большею частью деревянные, но существуютъ лагеря, гдѣ до сихъ поръ зем-

лянки сырыя, полутемныя, крайне негигіеничныя, какъ, напр., Тухель, Черскъ и т. п. Спятъ плѣнные на нарахъ, расположенныхъ въ одинъ, 2 или 3 яруса; они имѣютъ матрацъ, набитый соломой или стружками, 2 плохенькихъ одѣяла. Хотя въ баракахъ имѣются желѣзныя печи, но отапливаются они крайне скудно, и плѣнные жалуются на холодъ. Бани-души устроены хорошо, но мыла во многихъ лагеряхъ не даютъ или выдаютъ минимальное количество, а потому вслѣдствіе грязи у многихъ развиваются фурункулы. Освѣщеніе почти всюду электрическое. Во всѣхъ лагеряхъ устроены мастерскія сапожныя, портняжныя и столярныя, въ которыхъ работаютъ наши плѣнные для нуждъ мѣстнаго лагеря.

Почти во всѣхъ лагеряхъ имѣются небольшія библіотеки, образовавшіяся изъ книгъ, присланныхъ изъ Россіи. Сами же нѣмцы усиленно комплектуютъ лагерныя библіотеки книгами тенденціознаго содержанія съ явнымъ желаніемъ очернить въ глазахъ русскихъ плѣнныхъ нашихъ союзниковъ, а главное все русское. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ есть скромныя церкви, т. е. бараки, приспособленные для богослуженія, во многихъ лагеряхъ коменданты разрѣшаютъ священнику только совершать службу, но къ бесѣдамъ съ солдатами не допускаютъ, поэтому плѣнные лишены духовной помощи и руководства. Въ каждомъ лагерѣ своя почта, въ которой работаютъ плѣнные. На видъ почта организована хорошо, но приходилось слышать много горькихъ жалобъ на неполученіе писемъ и посылокъ. Въ лагеряхъ деньги выдаютъ плѣннымъ почти всюду условными денежными знаками.

Во всѣхъ лагеряхъ существуютъ арестныя помѣщенія: деревянный баракъ, раздѣленный на маленькія камеры съ очень небольшимъ окошкомъ наружу. Арестованные спятъ на голыхъ нарахъ и, смотря по степени наказанія, сидятъ въ темной или слабоосвѣщенной камерѣ. Встрѣчаются арестныя помѣщенія очень плохія; холодныя, сырыя и низкія, какъ, на примѣръ, лагерь Кроссенъ, а въ рабочихъ мѣстахъ— въ темныхъ хлѣвахъ. Въ лагеряхъ плѣнные, показанные делегаціи, были одѣты удовлетворительно и на одежду жаловались мало; въ рабочихъ же мѣстахъ недостатокъ въ одеждѣ и обуви весьма замѣтенъ. Всѣ просьбы плѣнныхъ о выдачѣ одежды, большею частью, оставляются безъ вниманія, въ лучшемъ же случаѣ, плѣнные получаютъ отъ надзирающаго за ними нѣмецкаго унтеръ-офицера совѣтъ приобрѣтать одежду на свой счетъ.

Пища плѣннымъ выдается въ количествѣ, необходимомъ лишь для поддержанія жизни, но ведетъ къ медленному и полному исто-

щенію организма. Тѣ плѣнные, которые ничего не получаютъ изъ дому, положительно голодаютъ. Плѣннымъ даютъ утромъ коричневую жидкость безъ сахара, именуемую кофе, или болтушку-воду, заправленную мукой; въ обѣдъ—супъ, гдѣ положено немного брюквы и картофеля, часто даже нечищенного; вечеромъ почти всегда такая-же болтушка. Два раза въ недѣлю полагалось мясо въ супъ, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ и такъ мелко накрошенное, что его совершенно не замѣтно. Хлѣба съ большой примѣсью картофеля на весь день выдавали по полфунта, но часто и этого вѣса не было или хлѣбъ былъ плохо выпеченъ, а иногда и заплесневѣлый. Купить же что нибудь за деньги невозможно, такъ какъ въ лагерной лавочкѣ, кромѣ папиросъ, лимонада, ничего нѣтъ.

Лазареты при большихъ лагеряхъ устроены удовлетворительно. Бараки, большей частью, деревянные. Больному полагается кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и бѣлье. Существуютъ лазареты, гдѣ есть перевязочныя и операціонныя, но медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ недостаточно. Пищи выдаютъ очень мало, такъ что объ усиленномъ питаніи больныхъ не можетъ быть и рѣчи. Что касается туберкулезныхъ больныхъ, то на ихъ леченіе не обращается никакого вниманія, тогда какъ процентъ ихъ весьма значителенъ. Туберкулезные помѣщены въ мѣстности съ пыльнымъ воздухомъ и отсутствіемъ зелени. Среди плѣнныхъ много психическихъ заболѣваній.

Во всѣхъ лазаретахъ, которые я видѣла, леченіе больныхъ было предоставлено нашимъ русскимъ врачамъ, но они безсильны чѣмъ нибудь помочь и улучшить положеніе своихъ паціентовъ, такъ какъ фактически все зависитъ отъ того, каковъ нѣмецкій главный врачъ и насколько идетъ навстрѣчу желаніямъ и просьбамъ русскихъ врачей, которые сами содержатся въ Германіи на положеніи военноплѣнныхъ. Напримѣръ, выходить за предѣлы лагеря наши врачи могутъ только въ сопровожденіи нѣмецкаго санитаря и то не дальше опредѣленнаго района. Отношеніе къ нимъ весьма недовѣрчивое.

Смертность среди плѣнныхъ столь велика, что кладбища нашихъ мучениковъ растутъ и числомъ, и пространствомъ. Расположены они обыкновенно внѣ черты лагеря. На многихъ кладбищахъ плѣнные воздвигаютъ хорошіе братскіе памятники.

Режимъ, которому подвергаются наши плѣнные въ лагеряхъ, болѣе чѣмъ суровъ и отношеніе къ плѣннымъ жестокое: за малѣйшіе проступки наказываютъ арестомъ, бьютъ, подвергаютъ подвѣшиванію, привязываютъ къ столбу. Я сама видѣла въ лагерѣ во Франкфуртѣ

на Одеръ 10 человекъ привязанныхъ. При подвѣшиваніи плѣнныхъ подтягиваютъ такъ, что наказываемый касается земли только носками. Распинаютъ у стѣнки, напр., въ лагерѣ Тухель я видѣла у стѣнки барака кольца и проволоку, которыя служили для привязыванія плѣнныхъ. Заставляютъ стоять смирно нѣсколько часовъ подрядъ, повернувъ лицо къ солнцу, и смотрѣть на солнце или стоять смирно, держа тяжелое бревно на плечѣ. Какъ примѣры жестокаго и унижительнаго обращенія, могу привести слѣдующіе факты: въ лагерѣ Хаммерштейнъ нѣмецкій солдатъ подкололъ штыкомъ 12 человекъ плѣнныхъ за то, что они не встали утромъ такъ быстро, какъ онъ находилъ это нужнымъ. Въ лагерѣ Черскѣ нѣмецкій прапорщикъ ударомъ сабли ранилъ плѣннаго въ руку за то, что тотъ, лежа въ баракѣ больнымъ, не могъ встать тотчасъ-же при входѣ этого офицера по командѣ «смирно».

Мнѣ лично пришлось натолкнуться въ лагерѣ Тухель на такую картину. Возлѣ уборной по обѣ стороны этого помѣщенія стояли 2 нашихъ солдата инвалида. На проволоку, прикрѣпленной у нихъ на шеѣ, висѣли куски нарѣзанной газетной бумаги и дощечка съ надписью «сторожъ уборной», и въ такомъ видѣ они должны были обслуживать уборныя. Каждыя 2 часа приходила новая смѣна. И это было не наказаніе, а введенный въ норму порядокъ.

Есть лагеря, гдѣ плѣннымъ, пойманнымъ при попыткѣ къ побѣгу, помимо строгаго ареста отъ 14 до 28 дней, надѣвали на ночь кандалы на руки и на ноги или одну руку и ногу. Послѣ отбытія этого наказанія, нѣкоторое время надѣвали цѣпи на ночь въ баракѣ. Имѣются лагеря, гдѣ учреждены особые дисциплинарные батальоны, въ которые переводятся плѣнные, пытавшіеся бѣжать или обвиненные въ уклоненіи отъ работъ. Такихъ помѣщаютъ въ отдѣльномъ баракѣ съ маленькимъ дворомъ, обнесеннымъ колючей проволокой. Они не имѣютъ права общенія съ прочими плѣнными и лишены получки благотворительныхъ посылокъ. Есть лагеря, гдѣ содержащіеся въ такомъ батальонѣ принуждаются къ исполненію утомительныхъ гимнастическихъ упражненій, часто съ мѣшкомъ песку на спинѣ, а послѣ упражненія ихъ посылаютъ подъ усиленнымъ конвоемъ еще на работы вблизи лагеря. Въ лагерѣ Кроссенъ былъ случай, когда за отказъ отъ подобныхъ упражненій нѣмецкій солдатъ, по приказу нѣмецкаго офицера, закололъ плѣннаго на глазахъ у всѣхъ, предварительно нанеся ему нѣсколько штыковыхъ ранъ.

Собственно въ лагеряхъ въ настоящее время пребываетъ весьма незначительное количество плѣнныхъ. Большинство распределено по

работамъ: на фабрикахъ, въ шахтахъ, по осушкѣ болотъ, сельскохозяйственнымъ и проч. Вся Германія обслуживается нашими плѣнными.

Помѣщеніе плѣнныхъ на работахъ очень разнообразно: одни устроены недурно, другіе плохо, а нѣкоторые ютятся со скотомъ. Получаютъ плѣнные рабочіе въ среднемъ 15 к. въ день. На нѣкоторыхъ работахъ, преимущественно на фабрикахъ, платятъ нѣсколько болѣе. На ночь плѣнныхъ всюду запираютъ, лишая такимъ образомъ возможности выбраться даже въ случаѣ пожара. Я слышала отъ плѣнныхъ, что 1 рабочій батальонъ, находившійся на станціи Лѣсной близъ Барановичей, помѣщенный въ сараѣ ночью, когда случился пожаръ, не могъ выйти, и 150 человекъ сгорѣло. Во многихъ мѣстахъ, для того, чтобы затруднить побѣгъ плѣнныхъ, ихъ не только запираютъ на ночь, но и отбираютъ одежду.

Положеніе плѣнныхъ на работахъ еще хуже, чѣмъ въ лагеряхъ. Они находятся вполнѣ въ рукахъ работодателя и командофюрера, контроль надъ которыми со стороны офицера-инспектора очень слабъ. Плѣнному некому заявить жалобу, такъ какъ онъ можетъ передать что либо только черезъ присматривающаго за нимъ нѣмца, да и объясняться нашимъ плѣннымъ трудно, не зная языка. Въ рабочихъ мѣстахъ плѣнныхъ изнуряютъ непосильными работами. За каждый пустякъ подвергаютъ побоямъ, пускаютъ въ ходъ штыки и приклады. Во многихъ мѣстахъ я видѣла приказы, гдѣ говорится, что часовой обязанъ *всеми способами* принуждать плѣнныхъ работать. Заявление плѣннаго о болѣзни не принимается во вниманіе, его заставляютъ работать и больнымъ. Вмѣсто того, чтобы послать къ доктору или отправить въ лагерь, больного запираютъ на нѣсколько дней и уменьшаютъ пищу, пока нѣмецкій солдатъ, наконецъ, не убѣдится, что плѣнный дѣйствительно тяжело боленъ. Нѣкоторые плѣнные, доведенные до отчаянія, бѣгутъ, преодолевая большія трудности, въ надеждѣ добраться до родины, а другіе сами возвращаются обратно въ лагерь, гдѣ ихъ сейчасъ же арестовываютъ, наказываютъ и снова посылаютъ на старую работу. Понятно, какая жизнь ждетъ такого неудачнаго бѣглеца. Въ рабочемъ батальонѣ на ст. Остеродѣ (В. Пруссія) пойманнаго плѣннаго, бѣжавшаго изъ этого батальона, заставили показывать нѣсколько разъ подрядъ, какъ онъ вылѣзъ изъ окна, и при этомъ всякій разъ били резиновой палкой. Нѣкоторые плѣнные, послѣ тщетной попытки добиться улучшенія своего положенія, рѣшаются отказываться отъ работъ. За это нѣмецкій судъ приговариваетъ къ безчеловѣчнымъ

наказаніямъ. Такъ, въ лагерѣ Черскѣ трое приговорены къ смертной казни (изъ приговоренныхъ одинъ сошелъ съ ума), а 28 плѣнныхъ были приговорены къ 15 годамъ тюрьмы. Сплошнымъ кошмаромъ является для плѣнныхъ работа на фронтахъ. Приходилось слышать много разсказовъ о тѣхъ нравственныхъ мученіяхъ, которыя приходится имъ переживать отъ сознанія, что они работаютъ для враговъ противъ своихъ и противъ союзниковъ. Принуждаютъ же ихъ къ этому разными физическими мученіями: нещадно бьютъ, морятъ голодомъ. Плѣнныхъ заставляютъ работать подъ выстрѣлами, причемъ немало мучениковъ погибло. Одинъ русскій врачъ охарактеризовалъ это положеніе такъ: «если у васъ большое воображеніе, сестра, то чтобы оно ни представило, все будетъ вѣрно».

Германцы ведутъ среди плѣнныхъ усиленную пропаганду. Плѣнныхъ группируютъ по національностямъ въ спеціальныхъ лагеряхъ: малороссовъ, грузинъ, татаръ и теперь поляковъ. Въ одномъ изъ лагерей полякамъ раздавали листы, гдѣ стояли вопросы, на которые требовались письменные отвѣты. Среди вопросовъ были слѣдующіе: любить-ли онъ Польшу? Враждебенъ-ли онъ Россіи? Татары разсказывали, что имъ предлагали перейти въ турецкое подданство. Протестующихъ мучили и морили голодомъ. Одинъ татаринъ, по его словамъ, сидѣлъ 50 сутокъ подъ строгимъ арестомъ, а для усугубленія мученій лили воду въ арестное помѣщеніе, чтобы онъ не могъ ни сидѣть, ни лежать, а только—стоять. И все-же плѣнные просили насъ передать слѣдующее: чтобы имъ ни пришлось пережить, они останутся вѣрными своей родинѣ, но молятъ Россію о защитѣ.

Нельзя обойти молчаніемъ и то тяжелое положеніе, въ которомъ находятся плѣнные унтеръ-офицеры. Вначалѣ въ Германіи было объявлено, что по соглашенію они не могутъ быть принуждаемы къ работѣ, а потому свободны отъ нея отъказываться. Но какъ только нѣмцы увидѣли, что всѣ унтеръ-офицеры не хотятъ работать, стали всякими стѣсненіями, утомительными упражненіями, уменьшеніемъ пищи до половинной порціи, добиваться якобы добровольнаго согласія на работу.

Приведу довольно яркій примѣръ. Изъ лагеря Хейльсберга 176 унтеръ-офицеровъ перевели обманнымъ образомъ въ рабочій лагерь Поблотцъ. По прибытіи туда имъ было объявлено, что такъ какъ это лагерь рабочій, то отъ работы отказываться нельзя. Унтеръ-офицеры, основываясь на ранѣ предоставленномъ правѣ не работать, все-таки отказались. Тогда всѣ они были выгнаны на свѣже-вспаханую

площадь, гдѣ были разлиты нечистоты. Съ плѣнныхъ сняли сапоги, замѣнили ихъ деревянными башмаками, и комендантъ, ротмистръ Норманнъ, сталъ лично командовать: бѣги, ложись, вставай, потомъ присѣданіе. Унтеръ-офицеры запротестовали, такъ какъ выполнять эти движенія при условіяхъ, въ которыя они были поставлены, оказалось совершенно невозможнымъ. Комендантъ отдалъ приказаніе бить унтеръ-офицеровъ прикладами, а самъ билъ хлыстомъ передніе ряды ихъ по головамъ съ такой силой, что сломалъ хлыстъ. — Упавшихъ плѣнныхъ били ногами. Потерявшихъ сознаніе обливали водой и опять заставляли дѣлать упражненія. Унтеръ-офицеры просили лучше ихъ застрѣлить, чѣмъ мучить. 10 унтеръ-офицеровъ пришлось сейчасъ отправить въ лазаретъ, среди нихъ были 3 съ поломанными ребрами, а 2 съ тяжкими пораненіями головы. 2 унтеръ-офицера, обвиненные въ подстрекательствѣ, просидѣли 12 дней подъ строгимъ арестомъ въ темномъ помѣщеніи на хлѣбѣ и водѣ, причѣмъ руки и ноги ихъ заковали въ тяжелые кандалы. Русскій врачъ, находившійся въ этомъ лагерѣ, за сообщеніе объ этомъ случаѣ инспекціи былъ наказанъ арестомъ на 3 недѣли. Делегациі было разрѣшено говорить съ этимъ докторомъ только въ присутствіи нѣмецкаго офицера.

Въ эту поѣздку я видѣла только 2 офицерскихъ лагеря. Въ лагерѣ Бланкенбургъ офицеры помѣщены недурно въ зданіи бывшей санаторіи, и отношеніе къ нимъ нѣмецкой администраціи корректное, но здѣсь, къ сожалѣнію, русскихъ офицеровъ всего 39 человекъ.

Въ лагерѣ Меве офицеры живутъ въ бывшей каторжной тюрьмѣ. Зданіе не только окружено высокой стѣной, но и окна съ рѣшетками, что естественно угнетающе дѣйствуетъ на офицеровъ. Обстановка самая скромная: кровать, табуретка и на 2 человекъ 1 шкафъ для вещей. Бѣлье постельное мѣняють 1 разъ въ мѣсяцъ. Офицеры встають въ 7, 8 утра, а въ 10 часовъ вечера должно быть все потушено. Повѣрка офицеровъ 2 раза въ день. Пища очень скудная: въ августѣ мѣсяцъ въ день давали на 300 человекъ—30 фунтовъ мяса съ костями, 2 раза въ недѣлю рыбу по $\frac{1}{2}$ фунта на человекъ, 1 разъ—соленую, другой—свѣжую. На ужинъ селедка и немного картофеля, хлѣба 250 граммъ на весь день. Завѣдуетъ кухней русскій офицеръ, но продукты отпускаются нѣмецкой администраціей и по ея выбору. Офицерамъ воспрещено на свои деньги выписывать продукты изъ нейтральныхъ государствъ.

Въ этомъ лагерѣ особенно тяжелое впечатлѣніе произвело на меня все то, что касалось офицеровъ, пытавшихся бѣжать. Былъ такой случай. На перекличкѣ не оказалось двухъ офицеровъ. Произвели обыскъ. Нашли ихъ въ отхожемъ мѣстѣ, въ которомъ они спрятались, надѣясь оттуда незамѣтно бѣжать. Нѣмецкіе солдаты увидѣли ихъ, и несмотря на то, что офицеры не могли оказать сопротивленія, одинъ изъ солдатъ на разстояніи 3-хъ шаговъ выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ офицеровъ въ руку, другого-же избили и потащили въ арестное помѣщеніе, причемъ раненому офицеру только черезъ часъ была подана первая помощь. Одного офицера, пойманнаго при попыткѣ къ побѣгу, посадили въ карцеръ—холодный подвалъ, гдѣ температура была не выше 3-хъ градусовъ, въ одной гимнастеркѣ.

При малѣйшей возможности доказать, что побѣгъ сопровождался подкопомъ, переодѣваніемъ въ штатское платье или хотя-бы небольшой порчей казеннаго имущества, о дисциплинарномъ взысканіи нѣтъ уже и рѣчи, и офицеровъ передаютъ суду, который присуждаетъ часто до 1 года 6 мѣсяцевъ крѣпости или тюрьмы, безъ зачета предварительнаго заключенія. Побѣгъ офицеровъ влечетъ за собою болѣе строгій режимъ по отношенію къ ихъ товарищамъ. Личные обыски, осмотръ всѣхъ вещей, отнятіе предметовъ, могущихъ, по мнѣнію нѣмцевъ, способствовать побѣгу, до перочинныхъ ножичковъ включительно. По ночамъ производится обходъ помѣщеній и провѣрка офицеровъ, причемъ безцеремонно освѣщаютъ лица спящихъ офицеровъ электрическими лампочками.

Несмотря на безпросвѣтную жизнь нашихъ плѣнныхъ, я слышала и отъ офицеровъ, и отъ солдатъ одну и ту же фразу: «Мы готовы и дальше переносить страданіе плѣна, лишь бы война была доведена до побѣдоноснаго конца».

Заканчивая свое сообщеніе, я хочу остановиться на вопросѣ, который для нашихъ военноплѣнныхъ является вопросомъ жизни и смерти. Случайностью войны братья наши попали въ плѣнъ, гдѣ тяжелый режимъ и недоѣданіе, доходящее до степени голода, грозитъ смертельной опасностью тысячамъ жизней. Тяжелое физическое положеніе усугубляется угнетенностью нравственною, особенно при видѣ плѣнныхъ французовъ и англичанъ, которые не забыты въ неволѣ и чувствуютъ всемѣрную матеріальную и моральную поддержку своей родины. Сознаніе того, что родина, за которую наши солдаты проливали кровь, ради которой и нынѣ продолжаютъ страдать, забыла

ихъ, не является ли это сознаніе самой ужасной нравственной пыткой. Если мы хотимъ, чтобы по окончаніи войны вернулись домой незлобленные перенесенными страданіями, неистощенные туберкулезомъ и другими болѣзнями люди, безсильные заработать даже себѣ на пропитаніе, мы должны немедленно прійти имъ на помощь. Мы должны помнить, что все посланное съ родины не только поддержитъ въ нашихъ плѣнныхъ физическія силы, но и духъ ихъ.

И вотъ съ сознаніемъ страшной отвѣтственности Родины предъ нашими страдальцами я передаю ихъ наболѣвшій миллионоустный призывъ о помощи: «Дайте хлѣба».

Сестра *Е. Самсонова*.

